

Сергей Большин

Принцесса на ресепшене

Сергей Большин

Принцесса на ресепшене

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8614988

ISBN 978-5-4474-0338-6

Аннотация

Анна – обычная молодая женщина. Начальник-тиран, нелюбимый муж, работа, на которую противно ходить. Бросить, все и сбежать! Но разве можно сбежать от самой себя? Как знать...

Содержание

Предупреждение	5
Упала	6
Очнулась	21
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Принцесса на ресепшене

Сергей Большин

*I'm a bitch, I'm a lover,
I'm a child, I'm a mother,
I'm a sinner, I'm a saint,
I do not feel ashamed.
I'm your hell, I'm your dream,
I'm nothin' in between¹.*

Аланис Мориссетт

© Сергей Большин, 2014

Редактор Евгений Коган

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Предупреждение

Книга содержит рок-н-ролл. Любителям жанра достается текст с саундтреком. Несведущим да поможет Яндекс всемогущий! Тем же, кто рок не любит, остается только читать.

Вроде все.

Упала

Декабрь – обманщик. Весь день он был теплым, сопливым, сеял с неба влагу и простуду, а тут раньше обычного выключил свет и включил мороз.

Улица замерзла и пошла под уклон, а я, как назло, на кабелях. Наверное, это смешно, когда барышни летают, задрав ноги. Посмеялась бы вместе с вами, не будь я той самой барышней. Повезло, догадалась надеть меховую шапку, однако ударилась так сильно, что свет в моей голове тоже выключился. В наушниках звучит веселый рок-н-ролл «Две принцессы» группы *Spin Doctors*...

Постойте, началось все раньше.

Когда выходишь замуж по заблуждению, трудно рассчитывать, что жизнь сама собой наладится.

Нормальные люди выходят замуж за деньги, на худой конец – по любви. Я вышла за надежность. Хорошо же, когда муж – реалист и прагматик, когда кормилец стоит на земле крепко, как бетонный столб?

Только тогда нужно сразу и выходить за столб. У столба есть преимущество – нет мамы.

Со свекровью не заладилось, как только я открыла рот. Тогда-то она меня и обнаружила. Евгения Николаевна до-

пускает существование лишь того, что ей принадлежит, а если говорит, только чтобы поблагодарить ее. За что? А за все! У ее сына все мамино, даже имя.

Высказывание собственного мнения в их семье приравнивается к поджогу сиротского приюта. А если твое мнение касается квартиры и денег, то самое меньшее, что пожелает взгляд свекрови, – гореть в аду.

Недостающие на квартиру деньги действительно дала она, но ведь жилье за полцены мы купили благодаря мне. Благодаря тому, что у меня такой шеф – продал «однушку» по себестоимости в доме, который строит наша корпорация. Потому что мне!

Впрочем, строит – это я громко сказала. Тянет много лет. Я в корпорации человек важный. Реализую свой потенциал секретарши в приемной. Не представляете, какие там возможности для личностного роста: одному чай, другому кофе, а иному, шутка сказать, воды без газа! Но шеф меня ценит.

Так или иначе, дом достроили, пришла пора оформлять права на квартиру.

У Евгении Николаевны подход такой: деньги мамы – квартира сына. А как же я? А ты сегодня – жена, а завтра – нет... И вообще, откуда этот неприятный звук?! Светлая женщина.

Вот уже и квартира у нас с Женей есть, а живем в общежитии. Мой надежный муж, видите ли, не хочет брать кредит на ремонт. При наших финансовых возможностях продав-

цы стройматериалов спрашивают: «Сколько взвесить в граммах?»»

Шеф и тут помог, почти все материалы выделил, только делай. Мы и делаем – с такой скоростью кораллы строят свои рифы.

И это при том, что муж работает в банке, считает. Не деньги – вероятности. Его профессия называется актуарий, он высчитывает риски. Брать кредит, чтобы быстрее уехать из общаги, – умеренно, но рискованно, оформлять долю квартиры на жену на седьмом году брака – определенно рискованно, жить – рискованно чрезвычайно. Лучше ничего этого не делать.

Спросите, зачем я вообще вышла замуж? Ребеночка хотела. Или двух. Или трех... боюсь, трех уже не успею. Пока покупали да ремонтировали, не заметила, как стукнуло 30. Как бы то ни было, пока есть муж, пытаюсь у него выяснить, когда заедем в новую квартиру и начнем делать первого. Я планирую мальчика... Слушайте, а ведь после ремонта еще кухня, мебель! Ох, боюсь, не дойдет дело до мальчика...

Насчет кредита Женя не уступил – переедем месяца через два, не раньше. Согласился только на один компромисс: прямо сейчас (сегодня воскресенье) вместо борща я варю кофе. В слезах и обиде иду на кухню.

Вспомнила Высоцкого: «Система коридорная, на тридцать восемь комнаток всего одна уборная...» (Здрас-с-сьте) Мог ли он предположить... (и вам салам алейкум), что

в каждой из комнаток можно разместить по аулу?

На кухне восточный базар, а в туалете – разруха по Булгакову. Обиднее всего, что эта нерукотворная разруха, человеческих... м-м-м... рук дело.

Вырвалась из Подмосковья, где «водятся (к) леши, ягоды, цветы», а попала в вонючую общагу. И чем мне родные Электроугли не угодили?

Похоже, само собой ничего не наладится. Нужно что-то делать. Но что? Может, посоветоваться с Сизовым? Хотя кого я обманываю! Я прекрасно знаю, что делать, просто боюсь.

А с Сизовым все равно посоветуюсь.

В понедельник приемную сотрясал крик из кабинета начальника. Звучком такой мощности можно наносить и легкие душевные травмы, и тяжкие телесные повреждения. Директор этими децибелами всего-навсего увольнял своего зама Политурова. Каждую неделю: увольняет, увольняет, никак не уволит. Политуров раньше был шефу начальником, и отмщение вернулось в образе моего генерального директора. Мне отмщение, и аз воздам! Граф Монте-Кристо.

Сторожкие посетители напоминали охранников порохового склада во время артобстрела.

С бумагами зашла Лера из отдела кадров. Прислушалась, села напротив меня и стала смотреть телевизор, включенный

без звука.

– Снова увольняет? Сразу видно, – она любит без предисловий, – эта ведущая – богатая женщина. Или муж у нее богатый. Или любовник.

– С чего это?

– Смотри внимательно! В мое лицо не вложено ни рубля, а у этой под кожей... мне бы на квартиру точно хватило. Знаешь, на сколько она нас старше? И когда мы станем морщинистыми старушками, она будет с такой же гладкой кожей!

– Мы еще покрасуемся! Да и сколько ни вкладывай, время все равно свое возьмет.

– Время не свое – наше возьмет! А не будешь вкладывать...

Из кабинета пулей вылетел Сергей Михайлович Политуров. У пули в бордовых туфлях было лицо цвета обуви. Политуров преодолел звуковой барьер и обогнал летящее в спину требование больше не появляться на работе.

Меж тем, Сергей Михайлович своего руководящего прошлого не забывал. Как-то, брызгая мне слюной в ухо, он предложил стать его содержанкой. Я на всякий случай в очередной раз оглядела его преклонные шестьдесят пять, слуховые аппараты в обоих ушах и бордовые туфли. Сдерживаясь, вежливо объяснила, что не люблю «раб fuck», трах на работе. Однако...

Шеф с силой захлопнул дверь, и часы, висевшие над ней, рухнули на пол. Дверь снова открылась. Оглядев и без того

тихих посетителей, он отбросил ногой осколки и рывкнул:

– Убрать!

Продырявил меня взглядом, похожим на ржавый гвоздь, и с остервенением добавил:

– Чая я дождусь когда-нибудь?! Васильчук, заходи. Остальные ждите, вызову, – снова посмотрел на меня. – Так... Вы занесите чай... после Якова Николаевича зайдете, побеседуем.

Это страшно, когда мой шеф «выкает». Он со всеми, кроме заказчиков и врагов, на «ты». А я – не заказчик.

Борис Фатыхович Усманов (в народе – Усама) любит повторять: «С женщинами я мусульманин; пить водку с салом я хохол; а считать деньги я еще и еврей». Разносторонний человек. Отец был татарин, мать – украинка.

Иногда он на несколько дней слетает с катушек, как сегодня, потому что диабет и сахар зашкаливает. Парадокс какой-то: характер бывшего мастера спорта по боксу совсем не сахар, а добавь сладкого – и только хуже становится.

Оказалось (тьфу!), шефу попалась моя визитная карточка.

Я давно выросла из секретарской мини-юбки, что, впрочем, не мудрено, потому что по требованию шефа юбка должна быть такой длины, чтобы из любой точки глядеть в каждое мужское сердце... В общем, из юбки я выросла. Я хочу самореализации! Хочу, но боюсь, и вместо того, чтобы менять судьбу, все силы трачу на оправдание бездействия.

Моя любимая причина отложить жизнь на потом – учеба. Институт, аспирантура, курсы, тренинги, семинары. Хотя курсы теперь – это, скорее, чтобы меньше бывать дома.

После очередного семинара решила. Купила симку, заказала визитные карточки, на этих скрижaliaх начертала. «Дипломированный коучер, индивидуальные консультации и тренинги по решению психологических и семейных проблем». Чужие проблемы решать не страшно.

Скрижали раздала знакомым. За месяц было только два звонка – оба в прошлую пятницу. Звонил аноним, сурово сопел в трубку. На том мой консалтинговый бизнес и завершился. Теперь понятно, что за аноним...

Вчера он в трубку сопел, а сегодня разнес в пух и прах. Я стала спорить. Я ему – в свободное время занимаюсь, чем хочу. Он мне – я работаю в приемной и «представляю ценный источник информации для врагов корпорации...» Чистый Маяковский.

Не плоды врагов, не будут за каждым углом засады мерещиться!

В общем, сначала чуть не уволил, а потом вдруг выдал денег на ремонт, сказал, получится дешевле, если заплатит он, нежели его недоброжелатели.

Очередной халат с ханского плеча! Есть смысл еще немного помучиться.

Сизов – один из заместителей Усамы, лет на двадцать старше меня. Каждый день заходит за почтой в приемную, где я пою его чаем. Пою, волнуюсь и пытаюсь задержать разговорами. Задержать?! Глупость какая, старый женатый мужик. На кой черт он мне сдался!

Историю с визитками он прокомментировал так:

– Пора вам, Анна, детей заводить, ваша тяга к педагогике в корпорации добром не кончится. Но красавец! Припугнул и тут же подкупил. Восток – дело тонкое.

– Владимир Анатольевич, разве он прав? Он что, думает, если платит мне зарплату, то все мое время купил?

– Именно так он и думает.

– Не везет мне, только решила что-то изменить, и на тебе! Я не заслужила такую судьбу!

– Все мы имеем ту судьбу, которую заслуживаем.

Вот и нет! Особенно случай в метро...

Это произошло за несколько дней до того, как Сизов пришел в корпорацию.

Я встречалась с подругой на «Китай-городе». Вышла из вагона, и в нос ударило зловоние, густое и липкое, как гель, – на лавочке спал бомж.

Он встал, его вдруг понесло на другую сторону платформы и там прибило к колонне. К платформе приближался поезд. Неожиданно, отлипнув от мрамора, бомж стал заваливаться на спину. В поисках равновесия он засеменял к краю платформы, все ближе к обрыву, где скрежетал тормозящий

поезд.

Парнишка в наушниках ничего не замечал вокруг, он спешил. Его спина стала той опорой, которую руки бомжа не могли найти в воздухе. Оттолкнувшись от парнишки, он упал на пол, послав молодого человека вместо себя под колеса электрички.

Я оцепенела от ужаса. Вокруг крики, беготня, а я вижу, как бомж, убивший паренька, поднимается на ноги и нетвердо, но целенаправленно плетется к эскалатору, и никто не обращает на него внимания.

Во мне что-то щелкнуло, оцепенение прошло, я подбежала к бродяге и, схватив его за шиворот, стала кричать, что поймала преступника... не помню, что еще кричала.

Следующее мгновение до сих пор стоит перед глазами: я держала вытянутой рукой его воротник, а он извернулся и глянул на меня трезво и пронзительно. Меня словно током ударило! А его глаза вновь стали мутными, он щербато засмеялся, обдав меня невыносимым дыханием.

Сколько я его видела потом на допросах, он все время смеялся и повторял: ты же успела, успела...

Погибший мальчик был единственным сыном одинокой женщины. Талант, самородок, он учился на втором курсе Физтеха и был самым ярким студентом на кафедре теоретической физики.

И вот, за убийство юного гения и растоптанное счастье матери бездомному получеловеку предоставили на много лет

еду и кров. Хотите сказать, каждый из них заслужил судьбу по справедливости?!

До сих пор к краю платформы подхожу лишь когда поезд уже остановился.

Дело не только в вопиющей несправедливости. Эта история не дает мне покоя из-за того, прояснившегося на мгновение взгляда. Когда Владимир Анатольевич впервые посмотрел на меня, я не могла отделаться от впечатления, что это тот же самый взгляд.

На этой неделе сахар генерального директора подарил корпорации жизнь на вулкане. Но предстоял четверг – день рождения шефа, убежденного, что «рожденный строить не пить не может». С ужасом ждала, как в вулкан плеснут водки...

Небо услышало мои молитвы. В четверг сахар упал. Шеф был радостен и добродушен, как человек, которому сообщили, что его смертельная болезнь – ошибка диагноста. Усама оставил на работе уволенных накануне, а в процессе поздравлений помирился с вчерашними врагами.

Праздник шел по заведенному сценарию. Под алкогольной завесой коллеги сбежали из офиса. Остались только мы с Лерой, чтобы подносить снаряды, да телохранитель Иван, чтобы уносить раненых.

За столом узкий круг замов и Васильчук. Гости быст-

ро проскочили стадию «а помнишь?», покрутились какое-то время на «советах мировым лидерам» и, как только я подумала, какие чудеса творит обычный сахар, присутствующие допились до вопроса «где наши девушки?» Идем с Лерой за стол, дело близится к концу, тут главное – дотерпеть.

Финал застолья. Действие первое – искушение искушенных.

У Усамы я то принцесса, то ваше высочество. Он превращается в полового супергероя, количество его жен, детей и любовниц удваивается, причем требуется, чтобы присутствующие из всех сил верили.

– Если говорю, что жен шесть, значит шесть. Правильно, Яков?

– Так точно, Борис Фатыхович! – Васильчук демонстрирует одновременно выправку и, потерю координации. Не человек – оксюморон. Он едва ворочает языком, но энергично трясет казацкими усами. Живой кошелек Усамы, Васильчук в корпорации не работает, но финансово-интимно дружит с шефом. Оксюморон для шефа – верный пес, обильно кормящийся с хозяйских рук, однако палка в этих руках бывает не реже корма. Хозяин действует по принципу «бей своих, чтобы чужие боялись», поэтому Васильчуку попадает чаще других. Унижения щедро компенсируются, но в душе Якова Николаевича остаются занозы. Именно он запустил в обиход кличку Усама. Ох, и тяжела финансовая дружба!

– Ну, что Принцесса, взять тебя на ночь, поучить? Смот-

ри, уволю...

– Увольняйте. Вы же знаете, я не поеду.

– Я и наградить могу. Знаешь, как мои женщины живут?

Ты – принцесса, а они живут как королевы...

– Заявление сейчас писать?

– Ладно, не обижайся. Колхоз – дело добровольное. Так что, Аня, пусть другим везет?

– Пусть другим.

– Лера, поедешь со мной...

А вот и действие второе – похищение сабинянки.

Иван с водителями отволоч тела финансовых друзей по машинам и, прихватив Леру, укатил.

Это происходит не первый раз, и я знаю, что сейчас Усама спит у Леры на коленях. Они отвезут шефа, и Лера поедет к Ивану.

Наконец, действие третье – разгребание руин праздника.

Сизов взялся помочь и предложил отвезти домой. Обычно с таких мероприятий меня забирает муж, но с утра машина не завелась, и предложение Сизова кстати.

Так долго я никогда не оставалась с ним наедине...

– Владимир Анатольевич, вас домашние не потеряют? – засуетилась я сверх необходимого, – Кстати, как вы поедете, вы же пили?

– Домашние катаются на лыжах, я к ним присоединюсь позже. Вы же знаете, конец года, объекты сдавать... А насчет пил, есть такая услуга – «трезвый водитель». Отвезет сначала

ла вас, потом меня.

– Шеф сегодня опять поменялся. У меня такое чувство, что он, когда нормальный, хоть и кричит, но все равно добрый, а вот когда «сахар», становится таким злым, что, кажется, по-настоящему может убить.

– Убить вряд ли, но то, что становится... злым без примесей сантиментов, соглашусь. Ну, да и бог с ним, пусть живет долго и счастливо. Как ваши семейные дела, наладились?

– Наладились вроде... Владимир Анатольевич, вас жена никогда не раздражает?

– Раздражает? Нет. Злит, даже бесит – бывает, но раздражать – никогда.

– Любовь может спасти от раздражения?

– Как раз наоборот. Раздражение говорит о том, что любви нет и не будет, это разочарование в ошибке, когда она стала явной. Простите, ваш вопрос...

– Да все нормально. Меня история с квартирой вымотала, хочется куда-нибудь сбежать! Вот, на курсы новые записалась, завтра пойду.

– Водитель приехал... От себя не сбежишь. Хотя, попробуйте.

Пятница началась с тяжелого недосыпа.

Притащилась домой чуть живая от усталости, а тут Женя с супружеским долгом, даже больная голова не помогла.

Фрустрация – девиз, начертанный на знаменах моей судьбы. Умная, самостоятельная, красивая молодая женщина, вынужденная уступать всем во всем... Умная? Дура!

Днем нелюбимая работа и начальник-тиран, вечером общага-базар, и в любое время суток муж со своей мамой – я сама загнала себя в западню. Могу хлопнуть дверью приемной, потребовать уважения в доме и понимания в семье. Но разве на другой работе будет лучше? Разве Женя одним обещанием станет паинькой? Мне ничего не мешало прямо сейчас, во время исполнения долга, завести ребенка. Поставила бы мужа перед фактом. А я... Шеф прав, нужно сидеть и не рыпаться, я просто переоцениваю себя.

Плыву по течению с фигой в кармане, насупившись на весь мир, боясь неудачи. Жизнь закончится, а вспомнить будет нечего, только неудовлетворенность и жалость к себе. ЭТО я боюсь потерять?

Вдруг вспоминала Сизова, его голос... Гадкий Владимир Анатольевич, что делал во мне ваш голос во время близости с мужем!

Как бы заснуть?

Только провалилась в сон, как меня разбудил Женя – 6 утра. В этот час на улице темно и пусто, как в моей душе. Муж починил машину, едем. Я делаю вид, что сплю, в качестве собеседника мне хватает себя.

Рабочий день прополз мимо меня, словно партизан мимо вражеских кордонов. Я его не заметила, провела пятницу

внутри себя. Думала. О чем? Без понятия. Только чувствую, что-то зреет в душе, как только пойму, что именно, – все изменится.

Когда шла на курсы, чуть не попала под машину: внутри же не видно, что у светофора снаружи красный свет. За полтора часа лекции «введение в профессию журналиста» еще глубже погрузилась в себя. Не удивительно, что, выйдя на улицу, я не заметила лед под ногами...

Так. Дошли до места, с которого начали: в моей голове гасят свет.

Очнулась

– Ваше высочество! Просыпайтесь! – странно, на каком языке Женя это сказал? Не по-русски, но понятно.

– Отстань, дай хоть в субботу поспать, – молния редко в меня попадает (за всю жизнь ни разу), но это она тряхнула, когда я ответила мужу на чужом языке, напоминающем то ли смесь латыни и старославянского, то ли... да ничего не напоминающего. Боюсь глаза открыть. И запахи! Сырость, прелое белье и общественный туалет – даже у Шанель нет таких ярких букетов.

– Ваше высочество, король призывает вас к себе. Хвала высшим силам, ему стало лучше!

Рывком села в постели, открыла глаза. Ощупала голову – никаких следов падения. Глянула на мужа. Ты мой хороший! Что стряслось?

Женя сильно изменился: лицо худое, вместо ежика – длинные кудри, одет... в голову пришло слово «камзол», поверх кудрей берет с пером... Кто из нас упал?

– Женя, ты меня слышишь?

– К вашим услугам, принцесса, – он улыбнулся. Щербатый! Инстинктивно провела языком по своим зубам. Снова молния! С вами бывает такое, когда мысли и чувства ваши, а все остальное нет? Зубы, к счастью, все на месте, но чужие, особенно это душло в «восьмерке»...

– Женя, сколько времени я провела в постели?.. постой, ты – Эжен?

– К вашим услугам, великолепная! Вы легли вчера, как обычно. Но нужно торопиться, король ждет, – изменившийся Женя говорит, а в моей голове происходит странное.

Я начинаю понимать, где нахожусь. Я у себя в спальне. Но тут два огромных НО. Во-первых, холодный, пахучий зал только после удара головой можно назвать спальней. Во-вторых, пусть это будет спальня, и пусть она моя, но чья МОЯ?! Анны, другой Анны.

Иногда так бывает во сне: ты четко осознаешь, кто ты, понимаешь, что все вокруг – иллюзия, и одновременно знаешь и исполняешь свою роль. Ролевая рамка, сквозь которую твое истинное Я смотрит в вымышленный мир.

Информация о роли загружалась в мое сознание вспышкой – вся картинка сразу и целиком. Чтобы пересказать увиденное, потребуется намного больше времени, поэтому массу деталей придется опустить.

Итак, местная Анна – принцесса Кривичдорнская. Кривичдорн – часть большого королевства, мой личный домен, унаследованный от матери... Настоящая принцесса, без дураков!

Мой отец – король Славанса и Древельона. Силой, хитростью и переговорами он собрал близких и дальних соседей в огромное государство. После смерти матери вопреки политической выгоде он так и не взял себе новую королеву.

Мужик!

Младший брат умер подростком во время осады столицы войсками Восточного ханства... (Названия какие-то ненастоящие.) Старший брат привел войско и снял осаду в последний момент, когда город уже готов был сдаться на милость победителям, которые о милости вряд ли слышали.

Все это было давно. Теперь Восточное ханство – вассал короля, а его бывший хан Уса-ас-Фатх – канцлер двора Его величества. Ценой победы стала гибель Великого сенешаля королевства – моего старшего брата.

А теперь отец собрался умереть и сделать меня круглой сиротой и единственной наследницей трона. Чтобы стать королевой, нужно не только похоронить папу, но и выйти замуж, ибо холостых и незамужних на трон не пускают. Муж должен быть таких кровей, чтобы имел право называться принцем-консорт, не правящим мужем правящей королевы. Видимо, отец зовет поговорить об этом.

На Женьку мне память тоже «донесла». Эжен – камергер двора, завхоз по-нашему. Умывальников начальник и мочалок командир. Как раз для него занятие.

По сценарию я страстно и безнадежно его люблю, любовь моя взаимна (еще бы, принцессу не любить!), однако он мне не пара. Создать семью допустимо только с носителем королевских кровей, иначе право на трон я потеряю, и за него начнется такая драка, что на оставшихся от великого Славанса осколках будет не выпасти корову.

Завхозу не быть королем. Лично я с этим согласна, но у местной Анны другой план...

Почему в этом сне я пылко люблю мужа, которого давно терпеть не могу? Возможно, совесть дает о себе знать. А если это не сон, а, скажем, кома? Сильно ведь ударилась...

– Ваше высочество, пора приступить к утреннему туалету.

Ужас! У меня в общежитии личного пространства больше, чем у принцессы.

В спальню вваливается с десятков слуг, хотя это – туалет утренний, после сна! «Вспоминаю», кто пришел: постельничий с помощником, хранитель гардероба, цирюльник, ответственный за ночную вазу... с их помощью я буду справлять нужду и одеваться. Пара новых слуг внесла столик с завтраком.

Не лучше ли самой быстро одеться и побежать к постели умирающего отца, и чтобы ребята подождали за дверью? Не лучше. Это противоречит этикету и крайне неприлично! Мочиться в присутствии посторонних – прилично, а надеть самой платье – нет. Что за бред у меня голове! С другой стороны, у меня сон, у вас работа такая, смотрите... но не так пристально!

Внесли зеркало. С интересом рассмотрела себя: поджарая, какой была в старших классах, когда занималась спортивными танцами, и мускулистая, какой не была никогда. Осанка королевская. Вот, значит, какой мечтаю быть! От подбородка к левому уху тянется тонкий шрам. «Вспом-

нила», как в детстве во время осады, когда умер младший брат, втайне от отца забралась на крепостную стену и наблюдала за лагерем ханцев. Что-то почувствовав, резко отклонила голову, и стрела лишь слегка задела лицо. Рана тогда нагноилась, сохранив память о себе.

Взглянула на руки. Все в шрамах, царапинах, с грязными обломанными ногтями... И это руки принцессы?! Получается так. Не той, что на горошине, а этой, которая должна стать королевой и удержать в этих руках власть.

А мыло не принесли. За ненадобностью...

Я одна вошла в покои отца, Эжен остался снаружи. Здесь витал запах смерти, ждущей своего часа – запах неухоженного лежачего больного вперемежку с химикатами, которые шарлатаны-лекари выбирают по принципу «чем неприятнее, тем убедительнее»...

Еще не рассвело, в зале царил полумрак. Чадящие масляные лампы и огонь камина лишь сжигали кислород, почти не давая взамен света. Король полулежал в постели. Левая часть лица и тела были неподвижны. Я сразу догадалась – инсульт, и «вспомнила», как это было.

Более месяца назад во время пира захмелевший король решил напомнить, кто первый воин королевства. Он по очереди боролся на поясах с собутыльниками, не побоявшимися принять его вызов, укладывал на лопатки всех смельча-

ков и совершал обильные возлияния после каждой победы. Когда в воздух взлетели ноги девятого по счету борца, отец рухнул на пол, придавленный телом почти поверженного соперника. Неделью король общался только глазом и пальцами правой руки. Воля монарха и первого воина королевства вернула ему речь: тихую и трудную, но властную и не дающую сомневаться – он все еще король. (Мне бы сценарии писать...)

Он вскинул взор и одними губами произнес: «Дочь моя!»

Опережая разум, мое тело кинулось на колени и припало губами к его руке. Именно так! Говорят, мышечная память надежнее памяти мозга. Через мгновение я «узнала», что принцесса любит отца, как могут любить только сильные натуры, каждый день отвечающие на вопрос «быть или не быть?».

Своего отца я помню по фотографиям, он умер, когда я была совсем маленькая. Сквозь мрак я разглядывала лицо короля, пальцы печали мягко сжали сердце: таким был бы мой папа, доживи он до этого возраста.

Скажете, глупо быть сентиментальной во сне, где все ненастоящее. Не соглашусь. Был такой английский наркоман и по совместительству поэт, Кольридж. Он утверждал, что образы наших снов воспроизводят ощущения, а не вызывают их. Не потому я в печали, что снится мне давно умерший отец болен, а потому тревога снится, что до сих пор жива память о папе. Сэмюэл Кольридж знал, о чем говорил, ведь

одно из величайших творений английской поэзии ему при-
снилось. Мне бы тоже не забыть этот сон.

А вдруг я умерла, и это «тот свет»? Здесь умерший отец –
король, я – принцесса... Стоп. Женя-то жив, значит, и я жи-
ва.

Уловив движение, я оторвала взгляд от лица короля
и только тогда заметила стоящего у изголовья человека.
Мгновение ушло на то, чтобы очередная вспышка памяти
сообщила, кто это...

Я ощутила, как далеко из-за пределов замка весна пробе-
жала по верхушкам декабрьского леса, раскрутила флюгеры
на башнях и ворвалась в мое сердце, сделав его огромным,
полным юного ветра.

Вообще-то, сейчас модно описывать такие переживания
фразами типа «бабочки в животе», но в средневековой об-
становке пафос уместен, в королевском дворце высокие сло-
ва – завсегда. Это наши обгрызенные до физиологии опи-
сания чувств будут звучать здесь фальшиво и пошло.

Длинноволосый человек носил вышитую на одежде неза-
будку – знак обета верности, расшита эта незабудка бы-
ла цветами моего домена. Непонятливым объясню: человек
объявил меня дамой своего сердца!

Король (напомню, мой отец – король, бе-е!) не возражал
получить славного Вольдемара в зятя, хотя политическая
обстановка могла предложить и более выгодные альянсы.
Однако принцесса, которую я нынче изображаю, благоволит

Вольдемару, который был ее воспитателем и наставником, учил грамоте и владению оружием, лишь как старшему брату... дура набитая.

И счастливая, как ребенок с ведром мороженого, я узнала, что в моем сне коннетабль Вольдемар, глава рыцарей королевства, командующий войсками королевского домена, а временами и всего королевства Славанс и Дремельон, он же Владимир Анатольевич Сизов, любит меня. Одну и навсегда.

– Дочь моя, я скоро умру. Не перебивай, слушай! Возможно, это наш последний разговор. Силы оставляют меня... Вольдемар – единственный, кому можно верить до конца, он будет свидетелем. Тебя ждут трудные времена. После моей смерти будет много желающих занять трон Славанса. Единственный законный способ – стать твоим мужем. Так я думал до сегодняшнего дня... Я бы дал согласие, если бы Вольдемар взял тебя в жены (*правильной дорогой идете, товарищи!*), но этого не хочешь ты (*papa, а спроси дочь еще раз!*)... Как король я давно был обязан выдать тебя замуж, но как отец берег твою свободу и право выбора. Времени исправить эту ошибку почти не осталось. Степной каганат, наш сосед на юге, обрел большую силу. Он заключил договор о вечном мире с императором Леванта и Мидии. «Вечный мир» не бывает долгим, но пока он длится, у степняков развязаны руки. Последние годы нам удавалось избегать большой вой-

ны и копить силы. Мы уладили Восточное ханство, прежде чем оно объединилось со степняками. Уса-ас-Фатх – наш вассал и канцлер двора, его воины рассредоточены по западным гарнизонам, а в его бывшей столице стоят рыцари моего домена. Будет ли так после моей смерти? Уса – хан, суверенный государь, для него быть вторым даже в таком великом королевстве, как наше, – унижение. Впрочем, все это ты знаешь. Но вот что я хочу сообщить: час назад Уса был у меня, просил твоей руки... не перебивай, пока силы не оставили меня (*да я вся внимание, мне жутко интересно*)... Уса королевских кровей и может законно стать принцем-консорт, женившись на тебе. Знаю твое к нему отношение, знаю, что у ханцев женщина не считается равной мужчине, напротив, они считают вас существами низшего сорта. Даже их Бог – мужчина. Уса не удовлетворится ролью мужа правящей королевы, он захочет реальной власти. И тебе придется уступить, чтобы... дай мне воды...

Вспышка: у них тут бог – женщина, Великая Мать. Однако войной и политикой занимаются в основном мужики. Здесь, как и везде: говорим одно, делаем другое.

Король глотнул из серебряного кубка, принятого мной из рук Вольдемара, с минуту лежал молча, набираясь сил, потом продолжил:

– Ты сама была бы прекрасной королевой: твоя рука тверда, а ум светел (*трудно не согласиться!*). Взрослая ты все больше напоминаешь свою мать... Я знаю, ты считаешь, что

я должен был сразу отказать Усе (*ну-у-у, не знаю, надо бы еще взглянуть на этого Усу...*), но он сообщил мне нечто... Много лет назад твой брат осаждал столицу Ханства Кызын. В те дни я был с посольством у степняков. Мне удалось затянуть время переговоров, степняки так и не приняли ничью сторону, но дело было сделано: Уса не смог договориться с ними, и мы взяли Кызын, после чего хану пришлось присягнуть мне. Когда я находился в стане степняков, мне, как почетному гостю, дали на время посольства одну из жен кагана для удобства и удовольствия, я не мог отказаться и тем проявить неуважение. Сегодня Уса сообщил, что нынешний глава степняков Хумуз, двадцатилетний наследник недавно почившего кагана, – мой сын и твой брат. Мало того, что он как две капли воды похож на меня, у него есть прямое доказательство принадлежности к нашему роду – его мать усердно служила мне, и я подарил ей один из перстней с печатью короля. Это одна из немногих моих ошибок, но она может стать роковой. Уса не сказал, откуда ему все известно. Подозреваю, он находится в тайных сношениях с Хумузом. Если Канцлер станет твоим мужем, тебе эта ситуация мало чем грозит, особенно, если согласишься, чтобы правил он. Но если ты откажешь Усе, после моей смерти твоя жизнь будет в большой опасности. Он клялся в верности мне и в любви к тебе, но для него остаться на вторых ролях лучше при молодом короле-единоверце, который не сможет править без мудрых советов, чем при королеве, которая, мало того, что

справляется сама, так еще и женщина.

Что значит «при молодом короле»? Выйти замуж за младшего брата?! Педофилия с инцестом. Вот так сон! Прав был старина Фрейд, говоря о темных подвалах подсознания. Хотя все не так страшно. Скорее всего, меня прикончат, а братец по праву крови займет трон. Здесь оба варианта проходные.

– Мой король, клянусь, я не позволю уронить и волос с головы принцессы (*Анатольич, ты мой герой! Но бархат твоего голоса... Только не надо кривых ухмылок, мужчина-то какой!*)!

– Верю, Вольдемар, поэтому и призвал тебя. Ты воин и сможешь защитить Анну от меча и копья, но не от яда в бокале, не от змеи в постели... Нож измены длиннее меча. Я вижу только два выхода: либо Анна выйдет замуж за Усу и уступит ему власть, либо за молодого кагана (*но ты-то куда, papa!*) ...

– Отец, я не проживу и дня после свадьбы... хотя нет, сначала Уса с моей помощью разделается с братом, который, как и я, имеет право на трон, а потом примется за меня.

Я намекала, что у настоящей принцессы припасен свой матримониальный план, и не интересы королевства стоят в нем на первом месте. Чихать хотела эта... славная правительница на свою королевскую карьеру, если в ней не будет места любви.

На юго-западе домен Дремельон граничит с небольшим

княжеством, его наследный принц страдает (или наслаждается) слабоумием. Папаша безумного и мечтать не смеет породниться с королевским домом великого Славанса, зато Анна жаждет вручить ему непрощеный подарок. Понятно, только после смерти отца, который никогда не согласится с этим бредом.

Зачем? Анна выходит замуж за слабоумного королевских кровей, муж пускает сопли и слюни в детской комнате, а принцесса, ставшая королевой, затаскивает в пустую спальню Эжена, делая его своим фактическим мужем и отцом наследника трона. Слабым местом в ее плане оказался канцлер. Эта половая тихоня...

Стоп! Это же мой сон, фантазии, тоже мои...

Сознание желает Вольдемара, а подсознательная совесть в том или ином виде подсовывает мужа. Назло вам обоим – и сознанию, и совести – поступлю в интересах королевства! Несмотря на insult, у короля железная воля, при грамотной реабилитации он может протянуть довольно долго. Надо бы выяснить, как его лечат.

– Ты права, дочь, любой выбор плох, Уса дает время на раздумья – немного, но дает. Отказ – это война уже сегодня. После обеда я обещал официально принять его, а теперь оставьте меня, лекарь ждет.

– Отец, я хочу остаться, чтобы узнать, как тебя пользуют.

– Оставайся... Однако с каких пор ты стала интересоваться премудростями медицины и алхимии?

– С этих самых... – коннетабль, вас тоже удивляет, что дочь волнуется здоровье отца?

В зал вошли двое. Впереди, что-то бормоча, суетливо семенит старик с всклокоченной бородой, вслед за ним тяжело ступал юноша. Оба одеты в расшитые яркими узорами халаты, на головах колпаки с загнутыми вперед острыми концами. Я, кстати, «знаю» их. Старший – главный придворный лекарь, младший – его ученик. При дворе дед считался мудрецом, владеющим секретами магии. Его руки картинно занимал увесистый фолиант, а юноша сгибался под тяжестью сундука с реквизитом...

– Вижу, Ваше величество, лечение идет на пользу, – заскрипел лекарь, – но знайте, все успехи пропадут зря, если Вы будете легкомысленно относиться к моим советам. Я рекомендовал Вам быть недвижимым в течение всего месяца, а Вы сидите! Простите, король, но я вынужден напомнить, что на время болезни Вы обязаны повиноваться своему верному слуге и целителю.

– Ты прав, Парамудр, – ну, точно, «вспомнила», Парамудр. «Почти умному» срочно требуется ребрендинг! – Неотложные дела заставили меня на время пренебречь твоими советами. Но теперь я вновь готов следовать твоей науке.

– Я составил ваш гороскоп на текущий лунный месяц и приготовил снадобье в соответствии с ним. Сейчас вы вы-

пьте целебный отвар, он придаст силы обездвиженным членам. Затем мы совершим процедуру обертывания...

– О, мудрый Парамудр, – придумать такой ник ни один черный пиарщик не решится, но я же решилась – это мой сон. – Не мог бы ты открыть секрет своего целебного отвара, из чего он состоит?

– Сие есть великая тайна древней мудрости... – начал уходить от ответа он, но, увидев выражение моего лица, тут же сдал назад, – для всех, кроме великолепной принцессы. Основными компонентами являются жир вепря, жир тура и жир медведя, в нем запасена великая мощь грозных зверей, толченая скорлупа ястребиных яиц придаст крепость мышцам, а капелька ртути, которая, как и всякий яд, в малых дозах является лекарством, способствует перемешиванию субстанций и усилению их лечебных свойств. Есть другие, менее важные элементы... – Лекарь – тонкий интуитивный психолог. Сначала он почувствовал, что не ответить на мой вопрос не получится, а по мере рассказа уловил, что реакция принцессы вовсе не та, на которую он рассчитывал.

– С отваром понятно, в чем суть процедуры обертывания? – у меня уже иначе как сквозь зубы не получается.

– Это самая важная часть лечения, – сбавляет пафос, гад, чувствует мою ярость. – Тело больного должно быть туго завернуто в течение долгого времени. В день – не меньше его половины, а ночью – на всем ее протяжении. Рад просветить Ваше высочество, существует принцип «подобное ле-

чится подобным», возникает эффект маятника – чем сильнее оттягиваешь его в сторону недуга, тем сильнее он качнется в сторону исцеления. Дабы усилить действие процедуры, мы натираем тело больного мазью с добавлением мышьяка. Мышьяк отпугивает демонов болезни, витающих в окружающем больного эфире, не давая им проникнуть внутрь организма...

– Хватит! Отец, гони этого шарлатана прочь! А лучше... – что мне рамка «советует»? – Прикажи его повесить!

Лекарь с помощником засуетились вокруг постели короля как две наседки вокруг одного яйца, Вольдемар молча изумлялся. Еле слышно король потребовал у меня объяснений, чем вмиг вернул присутствующих к действительности.

– Отец, у тебя инсульт. Жирная пища, каковой является «целебный отвар» этого мистификатора, убьет тебя. Проруть и мышьяк я даже говорить не хочу – это яд в любых дозах. Надеюсь, старик, это просто твоя глупость, – вижу, что он поджал хвост, – но если выяснится, что злой умысел, лекарь, я своими руками надену петлю на твою цыплячью шею! Никакого обертывания! Отец должен двигаться как можно больше, только так он восстановит двигательные функции. Эжен! – камергер немедленно вбежал в комнату. Смотри-ка, на стреме! – Вызови королевского банщика, отцу необходимо принять теплую ванну. Это сгнившее белье выкинуть к чертовой матери, постелить свежее! Помещение проветрить! Что еще... Пусть банщик приведет купальных

прислужниц, я покажу им, как делать массаж. И диету, отец, мы тебе составим правильную, будешь у меня как огурчик...

Что это звенит в тишине? Ах, да, я же половину речи толкала по-русски, поскольку в местном словаре нет нужных слов. Эжен, молодец, не дожидаясь развязки, кинулся исполнять поручения.

– Дочь моя, что это значит? Здорова ли ты? С каких пор ты стала столь сведущей в вопросах медицины, что споришь с самим Парамудром!

– Ваше величество, из-за переживаний по поводу вашего недуга на принцессу напала умственная горячка, она стала заговариваться... – Эскулап рано обрадовался высокой поддержке.

– Молчи, слизняк! В отличие от тебя, выдумавшего глупости с обертыванием, я знаю, о чем говорю!

– Ваше высочество, – долго же ты молчал, коннетабль, – Вы должны объяснить, откуда у Вас познания, которыми Вы до сего дня не обладали. Мы все потрясены услышанным... и эти купальные прислужницы, разве им ведомы премудрости исцеления?!

– Вольдемар, Вы прекрасно знаете, что нет человека в королевстве, которому жизнь короля была бы дороже, чем мне. Не могу объяснить, откуда мои познания, но, слово принцессы, я в них уверена! А прислужницам я сама объясню, что делать.

– Ваше величество! – как же меня раздражает этот

скрип. – Я оскорблен до глубины души! Только глубокое волнение Вашей дочери извиняет ее беспочвенные обвинения. Я много лет лечил всю вашу семью, включая Ее высочество, Вы не раз имели возможность убедиться в моей искренности и верности. Мои знания основаны на древней мудрости, на изучении трудов великих медиков прошлого... – в этом месте трясем фолиантом над головой, ага. Обычный аргумент мошенников – неизвестные древние авторитеты.

– Хочешь сказать, в этой книге ты вычитал, как травить моего отца? Где? Укажи страницу.

– Вы не сможете прочесть, Принцесса, книга написана забытым языком древних, открытым немногим...

– Ты покажи, где написано, а я разберусь! – сон это, или бред, или что-то еще, но это что-то в моей голове, значит, и правила игры мои! Хотя, не факт...

Старик на блеф купился. Не играл он в покер! (Я, правда, тоже.) Затряс бороденкой, стал путано объяснять, что мудрые советы рассыпаны по книге, он де собирал их долгие годы, мол невозможно указать конкретную страницу... Спекся! Ну, что, папа, Вольдемар, вам все понятно? А вот и помощники королевского банщика принялись распахивать створки дверей, чтобы внести в помещение купель.

– Вы, двое, прочь с моих глаз! Вольдемар, я останусь с отцом, Вы присоединитесь ко мне во время обеда... – однако, приятно командовать любимым.

Обед был обильным, но отвратительным. Обугленное, но полусырое мясо, лук, репа... Я придумала мир, где не открыли ни Америки, ни морского пути в Индию. Без привычных специй и набора продуктов протянуть можно, но повсеместная антисанитария точно сделает из меня анорексичку.

А, может, я мазохистка, поэтому мои грезы такие неуютные?

В отличие от еды разговор с Вольдемаром оказался совсем не пресным: на фоне обшарпанных дворцовых декораций яркой сюжетной линией я рисую любовь, неосуществимую в реальной жизни. Ну, точно, мазохистка.

– Анна, Вы сегодня совсем не та, что вчера. В какой-то момент я даже испугался, не наложено ли заклятье... – конечно не та, наблюдательный мой.

– В какой момент Вы этого испугались?

– В тот самый, когда Вы обратились ко мне «ВЫ» вместо «ТЫ», согласно этикету, и как заведено между нами. Я сам обращаюсь к принцессе на «Вы» только при людях, а сейчас... не знаю, что думать.

– Заклятие тут не при чем, только переживания. Хорошо, мой милый Вольдемар, отныне у нас с ТОБОЙ все как прежде. Я снова та же?

– Нет. Твой спор с лекарем поразил меня до глубины души. Как удалось тебе раскрыть лукавство? Единственное разумное объяснение, которое приходит на ум, – тебе было от-

кровение Великой Матери... – он тоже перешел на «ты», хотя вокруг стола снует немало людей. Слуги и прочие секретарши за людей не считаются.

– Ты попал в точку, Вольдемар! Великая Мать во сне поведала мне, как спасти отца.

В категориях людей этого мира мой взгляд через рамку вполне можно счесть божественным откровением. Мой «сон», как его не назови, объясняется, скорее, мистически, чем рационально. Впрочем, разум сам по себе загадка и чудо. В одну голову вмещается одновременно и наука, и волшебство, и Бог, и безбожие, и этот странный мир...

– Хвала высшим силам! Это великое чудо, Анна! Не всем святым дано счастье явления Великой Матери. Это очень хороший знак, я расскажу о нем королю и кардиналу церкви Великой Матери, а кардинал поведает пастве!

– Нет, Вольдемар, Великая Мать требовала сохранить все в тайне. Даже то, что я рассказала тебе – грех, я не должна была этого делать, – играю на слабостях любимого. Думали, я святая?

– Вот как... Клянусь, никто не услышит о чуде! Значит, тебе было откровение не только о болезни отца...

– Верно, мой рыцарь. Не могу поведать всех подробностей, но принять предложение Усы нельзя, и я его не приму.

В реальной жизни я не люблю обманывать, да у меня не сказать, что получается, а тут вру напропалую человеку, который мне глубоко небезразличен, и хоть бы хны. Никаких

угрызений совести. То ли потому, что все здесь понарошку, то ли начала вживаться в образ принцессы, для которой интриги плести, что семечки щелкать.

– Хвала высшим силам! Знай, Анна, каждое мгновение ты будешь находиться под моей защитой. Мои люди будут тайно следить за Усой и его подручными. А хочешь, я убью его! Или сгною в своем замке в Дремельоне. В этом случае ты должна будешь казнить меня, ибо ханцы не простят королеве беззакония и по праву восстанут. Пусть же преступником стану я, но твоя жизнь будет в безопасности! – он не шутит. Боже, в реальной бы жизни такого возлюбленного!

– Разве тебе не дорога твоя жизнь?

– Она ничто по сравнению с твоей. Выбор у тебя невелик: мучиться в браке с ненавистным Усой или подвергать себя смертельному риску.

– А если подвергнуть себя смертельному риску в браке с любимым человеком? Как тебе такой выбор? – Не осуждайте. Кто бы устоял? Гори ярким пламенем любое королевство, когда рядом настоящий мужчина! Да и королевство можно сохранить, если постараться.

– Для меня его, увы, не существует.

– А если бы существовал? – давай, давай, герой, выше голову, товарищ!

Вольдемар вскинул на меня такой взгляд... такой... плачьте от зависти, девчонки.

– Король хотел выдать тебя за Руперта, среднего сына

императора Великой западной империи готтогаллов. Пока не появились известия от Усы, эта партия казалась наилучшей. Ты, я знаю, мечтала вообще о другом... Что теперь у тебя на уме, Анна?

– Ты – единственный человек, с кем я чувствую себя в безопасности. Ты – сын короля Древельона, суверенного монарха, добровольно объединившего свое королевство с королевством моего деда, а значит, ты имеешь почти такое же право на трон, как я. Ты – самый близкий мне человек после отца. Ты любишь меня... Что должно быть у меня на уме?! Только то, что о лучшем муже не стоит даже мечтать.

– Ведь ты говорила, что не любишь меня...

– Говорила, но разве ты не достоин того, чтобы мои чувства изменились?

– Принцесса! – КАК он это выдохнул! Упал на колени и поцеловал подол платья. Влюбленному не нужно иных доказательств, кроме слов, которые он мечтает услышать, тем более, когда эти слова правдивы.

Вошел Эжен, а мы в прямом эфире. Приготовленная фраза застряла у него в горле. Слышно, как он сглотнул, еле выдавив из себя:

– Ваше высочество, Вас и Великого коннетабля ждет король, – командующий рыцарями превратился из соперника Эжена в его врага. С этим надо что-то делать.

В королевских покоях был совсем другой воздух, несмотря на обилие горящих факелов и свечей. Король сидел в кровати, прислонившись к спинке, он был обложен подушками и выглядел намного свежее, чем пару часов назад.

Наконец-то мое «мы все учились понемногу чему-нибудь» на разных курсах и семинарах начало приносить пользу. Пока я в «коме», сделаю все, чтобы успеть поставить отца на ноги, пусть это всего лишь иллюзия.

– Кардинал святой церкви Великой Матери! – какой у них громкоголосый камердинер.

Ролевая рамка «подсказывает», а я наблюдаю: в зал в окружении шести вооруженных монахов ордена Охранителей святой веры и шести молоденьких монахинь торжественно вступает (именно так!)... Сергей Михайлович Политуров. Этот павлин и здесь во всем красном! Жаль, смеяться нельзя.

Монашенки – одна к одной! Губа у вас не дура, Ваше преосвященство...

О кардинале ходит множество слухов: о его любви к таинству исповеди придворных дам – кающихся грешниц, о пристрастии лично накладывать епитимью в своих покоях на молодых монахинь.

Интересно, что грешницы каются не раз и не два, поскольку грешат много и часто. Неужели подсознательно я о нем, как о мужчине, такого высокого мнения? Когда Политуров предлагал мне стать его любовницей, я была уверена, что ему

это нужно не столько для дела, сколько для рассказов...

– Да помогут Высшие силы скорейшему выздоровлению нашего короля! – басит кардинал. – Да хранит Великая Мать любимейшего из сынов! – он прижимает правую руку к сердцу, левую возлагает на левое плечо и кланяется королю, после чего становится лицом ко входу. Все остальные, включая меня, трижды повторяют этот поклон в сторону кардинала.

Как будто держишь младенца... ну, правильно, это же культ Великой Матери. Смотрю в сторону коннетабля и представляю, как держала бы нашего ребенка. У меня даже ноги задрожали. Только вот не надо...

А кстати, могла бы я родить ребенка в этом... сне? А если бы пришлось, как в реальности, все девять месяцев относить? От Вольдемара – готова.

– Великий канцлер в сопровождении Верховного распорядителя двора! – да что ж ты так орешь, камердинер!

Ну-ка, ну-ка... Мама дорогая! Дергаю Вольдемара за рукав, давясь смехом:

– Вылитый Мефистофель.

– Простите...

– Ваше высочество, как вы изволили меня назвать? – канцлер зло пронзил меня своими ржавыми гвоздями.

В той, реальной жизни его зовут Усманов Борис Фатыхович. В этой – канцлер Уса-ас-Фатх.

Его лицо, борода, прическа, головной убор – точная копия классического образа Мефистофеля, но есть нюанс: ин-

ферральная голова посажена на грузный колобок, из которого торчат кургузые ножки в чулках и коротких штанах-фонариках. Картина маслом – постаревший и приплюснутый принц из советского фильма «Золушка».

Приплюснутый принц уверен, что завтра он – король. Дудки! Настоящий король умирать не собирается, да и колхоз – дело добровольное, разве не так, Борис Фатыхович?

Не судите строго, от смеха я не удержалась. Позади Усамы в таком же наряде семенил Верховный распорядитель двора. И кто?! Яков Николаевич Васильчук, еще более приземистый и толстый.

Я всегда сочувствовала девушкам из его рассказов о походах налево. Несчастные, польстившись на кошелек, они обязаны были разыскать «хозяйство» в складках огромного живота. Но эти складки поверх чулок... держите меня семеро!

И нет сомнений, тут все то же шоу «Воруют вместе».

Минуточку, что это так тревожно тихо? Все ждут, что я отвечу Усе. Похоже, он тут опасный человек.

– Тебе показалось, наш верный канцлер. Ты мог услышать только наш смех, вызванный радостью встречи, – не просто дается мне это «ты» в адрес шефа, но принцесса на «ты» со всеми, кроме кардинала, который считается представителем высших сил и старшим земным сыном Великой Матери... так, папа хочет сказать. – Слушайте все! Говорит король!

– Ваше преосвященство, дочь моя, подданные! Я собрал

вас по просьбе канцлера. Он делает официальное заявление. Говори, Уса, – речь дается папе с трудом, но все понятно.

– Ваше величество, Ваше... преосвященство, – Усу передернуло, как будто его заставили проглотить слизняка, – принцесса и прочие! Только что Ее высочество изволила выказать радость от встречи со мной. Также и я не могу скрыть огромной радости, которая охватывает меня каждый раз, когда я вижу Ее высочество и когда думаю о ней. А думаю я о ней всегда, как, впрочем, и о здоровье нашего короля, и о благополучии нашего королевства. Ваше величество, движимый великой любовью к принцессе Анне и заботой о будущем королевства, я прошу руки вашей дочери. Я прошу Ваше высочество стать моей женой, женой Усы-ас-Фатха. Я – Великий хан, мой титул равен королевскому. Обещаю быть заботливым мужем, надежным отцом наследников престола, справедливым и мудрым монархом, буде Высшие силы приберут раньше времени правящего ныне короля Филиппа, да здравствует он во веки веков!

– Что скажет кардинал? – слова короля не достигли сознания священника, тот стоял, как стоял, не шелохнувшись, сверля Усу ненавидящим взглядом. Ситуация, кстати, типичная, все знают, что кардинал тугоух, поэтому камердинер заорал:

– Его величество ждет ответа Его преосвященства!

Сластолюбивый святой отец вострепнулся и отвечивал

явно заготовленной диатрибой:

– Ваше величество! Я туг на ухо, но не глух сердцем. Оно слышит: измена поселилась в нашем королевстве. Вы, Ваше величество, пощадили поверженного врага, сохранив ему жизнь, свободу и владения, Вы приблизили его и сделали канцлером королевства. Но что мы видим? Уса-ас-Фатх не принял нашей веры! Войска его домена, призванные защищать наши рубежи, игнорируют приказы королевских военачальников, требуя подтверждений бывшего хана, а бывший хан за любое действие требует мзду! Канцлер, призванный преумножать королевскую казну, грабит ее! Но неблагодарному и этого мало. Теперь он покушается на трон великого Славанса! – эмоционально речь кардинала была подобна снежному кому, каждое новое слово сильнее распалало оратора. Уса, между тем, пылал в его сторону таким ненавидящим взором, что будь священник и снежной лавиной, давно бы испарился. – Мы не вправе отдавать трон иноверцу! Человек, которому наш король и церковь дали все – жизнь, свободу и достоинство, – лжет короне и презирает веру, исповедуя еретическое учение! Я знаю, зачем ему власть! Уса мечтает об уничтожении церкви Великой Матери и насаждении ереси. Ваше величество, ради сохранения королевства и веры, Уса должен быть немедленно лишен должности и арестован как изменник! Вместо того, чтобы отдавать ему руку принцессы, отдайте его в руки Охранителей святой веры.

– Ты... Ваше преосвященство пытается ввести короля в заблуждение! Я много раз обращался к нему с просьбой провести обряд посвящения в истинную веру, и всегда получал отказ, только... – слова «попадись мне в руки» молнией сверкали в его глазах.

А кардинал чешет дальше:

– Еретик зря ссылается на притворные просьбы обратить его в истинную веру. Сколько раз он обратится ко мне, столько раз я отвечу отказом, ибо лживы его слова! Не вера, а жажда власти и ересь живут у него там, где у правоверных находится сердце!

Я «в курсе», что подобная стычка между ними не первая. Любого другого придворного Уса давно бы стер в порошок, но первосвященник ему не по зубам. Король намеренно поддерживает огонь этого конфликта, не давая сторонам примириться и не позволяя одной из них одержать верх.

И мне это на руку, или я не принцесса!

– Анна, что ответишь ты, дочь моя, на предложение канцлера?

– Отец... Ваше величество, Ваше преосвященство, милый нашему сердцу канцлер! Даже для меня, наследницы трона Сланса, предложение Усы-ас-Фатха – великая честь! – улыбайся, Уса – до конца дослушаешь, посмеешься. – Интересы королевства и династии требуют, чтобы я вступила в брак с тем, в чьих жилах течет королевская кровь, кто могуществен и искушен в делах власти, кто сможет отстоять

честь и славу короны перед лицом любого врага! Таков наш Великий канцлер.

Обвожу взглядом присутствующих: отец прикрыл глаз, канцлер с подельником щербато улыбаются (со стоматологией здесь напряженно), коннетабль посуровел, кардинал выглядит растерянным. Не так он глух, как хочет казаться!

– Канцлер – лучший претендент на мою руку... – у кого-то в этом зале сердце рухнуло, у кого-то выскакивает из груди. – НО!!! – мое «но» в противофазе меняет сердечную топологию. – Своевременно ли это предложение? Еще вчера это было так. Сегодня, когда король, хвала Высшим силам, пошел на поправку, и нет нужды торопиться с замужеством, прежде чем ответить канцлеру согласиём, я хотела бы получить ответы на некоторые свои вопросы.

Снова обвожу взглядом присутствующих – на тех же лицах другие выражения.

Ой, а мне нравится! Я, Анна Горчакова из Электроуглей, играя в принцессу, переворачиваю судьбу вымышленного королевства. Будь это на самом деле, я бы не посмела. Кто я такая, чтобы вершить политику? А понарошку – пожалуйста. И неплохо, кстати, получается, ничем я не хуже матерых канцлеров и прочих придворных.

Какая-то заноза все же свербит в душе. Вольдемар, шеф, отец, Эжен кажутся настоящими, живыми и самостоятельными людьми. Если этот мир выдуман мною, здесь все должно быть, как я хочу. Не должно быть этого сватовства,

Уса должен быть как мой шеф строгим, но справедливым, а не опасным, отцу давно пора плясать вприсядку, а мы с Вольдемаром...

И эта заноза заставляет меня играть по местным правилам, слушаться предписаний роли, хотя и не во всем и не всегда. Так бывает, скорее, в обычной жизни, чем во сне.

Ну и ладно! Итак....

– Было ли со времен язычества такое, чтобы наши монархи исповедовали иную веру, отказавшись от любви Великой Матери? Нет! Ты, Уса, предлагаешь мне нарушить вековую традицию. Ради чего? Стоит ли мое к тебе уважение так дорого, что королевство должно платить за него верой? – по глазам Усы вижу – стоит. – Давно известно: «Чья власть, того и вера», и... – присутствующие с удивлением уставились на меня. Похоже, текст из другого либретто, – я хочу сказать, что из вопроса о вере канцлера следует другой вопрос. Ты, Уса, уже имеешь трех жен, они родили тебе детей. Это позволяет твоя религия. Но какой по счету женой стану для тебя я? Кем будут твои жены, когда ты примешь титул принца-консорт или, тем более, короля? А дети? Чей ребенок станет наследником? Из этих вопросов вытекает еще один: должна ли жена любить своего мужа? Великая Мать учит, что дети должны рождаться и расти в любви, даже для королей нет исключений. Я глубоко уважаю тебя, Уса, но струны моего сердца молчат. Отец и мать всегда были для меня образцом семьи, так почему же я не должна этому

образцу следовать? Слушай же, Великий канцлер, слушайте все: я готова принять предложение Усы стать его женой, но не раньше, чем он выполнит три условия. Первое – официально обратится в нашу веру, второе – отречется от своих нынешних жен и детей, и третье – заставит мое сердце полюбить его. Это все.

Зная своего генерального директора, представляю, каких сил ему стоит соблюдать молчание. Когда ему удалось установить контроль над речью, он бесцветно выдавил:

– Ваше величество, я вынужден просить разрешения покинуть вас, ибо меня ждут неотложные дела, – и, не дожидаясь позволения, вышел.

Васильчук, его здешнее имя Якуб Базиль, засеменял вслед за канцлером. Да это же вызов, король вас не отпускал! Кардинал злорадно улыбался парочке в спины, а король... Папа, я все объясню!

Долго ворочалась в постели – огромные «горошины» не дают принцессе заснуть.

Горошина первая – сама ситуация. Как так получается, что я прожила целый день последовательно и протяженно, минута за минутой, и сюжет ни разу не сбился, не перескочил с кадра на кадр? Я устала и реально хочу спать. Во сне... Ведь должно быть как в кино: закрываешь глаза в одном кадре, а через мгновение бодрая и радостная открываешь в дру-

гом. Не получается.

Горошина вторая – я приняла происходящее близко к сердцу. Мои чувства к Вольдемару и отцу нельзя назвать придуманными. Политика, интриги Усы и кардинала Политурова, как и интересы королевства, это абстракция, необязательная игра, но готовность Вольдемара отдать за меня жизнь, его нежный взгляд и бархатный голос заставляют сердце трепетать, вызывают желание навсегда раствориться в этих глазах и голосе. Эти чувства реальнее всего, что случилось со мной в жизни.

Даже Эжен, держась со мной как побитая собака, вызывает вполне настоящее злорадство. (Передай мамочке привет!) Я вижу, что он ждет объяснений, но жестоко молчу, не испытывая и намека на угрызения совести.

Кстати, в реалистично подробном сне в моем окружении одни мужчины. Неужели у меня нет подруг или... фрейлин?

Смотри-ка, удобно! Стоит сформулировать запрос, вспышка – и ты «вспоминаешь» необходимое.

Вот, пожалуйста, у меня две наперсницы. Одна – незамужняя княжна, фрейлина, другая – герцогиня, дама, потому что замужем. Хороший, между прочим, круг общения! Герцогиню зовут Клер, с ней у меня доверительные отношения, она на восьмом месяце. Вчера я – не эта, а та – позволила ей провести два дня дома с мужем. Молодая княжна – моя соперница. Княжна Элен вскоре после рождения была помолвлена с Эженом и, став зрелой девицей, полюбила суже-

ного, зная, что ее чувства безответны из-за меня. Бедняжка...

Хорошо бы с ней подружиться. В нынешней обстановке плодить врагов, да еще и без реальной причины, совсем неправильно.

Наконец, третья горошина – отвратительный быт. Холод, сырость, грязь, тошнотворные запахи повсюду. Хотя, сказать по правде, меня это беспокоит, только когда начинаю об этом думать. Неприятные факты воспринимаются в сравнительных категориях: не «холодно», а «холоднее, чем привыкла», не «грязно», а «непривычно грязно», все в таком духе. Как будто обстановка привычна для тела и неприятна лишь для сознания.

Начала бороться за культуру быта: поставила задачу превратить свою спальню в покои образцового содержания. Прежде, чем лечь в постель, внимательно ее изучила, памятуя спальню короля. Нашла мало отличий. Заставила слуг сменить белье и просушить у камина перину с подушками. Ванну себе организовала: купальные прислужницы приготовили купель с горячей водой, постельничьи уложили в постель грелки, а затем и меня саму.

Признаю, в статусе принцессы есть свои прелести, если все правильно организовать, но самые простые бытовые удобства нужно создавать руками большого числа людей. Из-за этого весь день я провела в окружении множества посторонних. Пока не научусь относиться к слугам как к го-

ворящим орудиям, это будет главным неудобством. Только в постели я могу оставаться одна. Но хочу ли?

Истопник, заряжавший дровами камин, еще был здесь, когда зашел Вольдемар, чтобы пожелать спокойной ночи. Он предупредил, что теперь двери моей комнаты охраняет его личная стража из самых доверенных. Хотелось сказать ему «останься», но как объяснить, что волнение, которое он вызывает в моем сердце, нужно мне, чтобы быть спокойной? Переполненная впечатлениями, я поворочалась и провалилась в сон, и даже не почувствовала, как стали кусать блохи...

Шестое чувство принцессы спасло меня.

Его было невозможно ни увидеть, ни услышать, только почувствовать: в последнее мгновение я вдруг пригнулась к лошади, и арбалетный болт, свистнув над головой, впился в соседний дуб. Я охнуть не успела, как Вольдемар схватил меня, словно пушинку закинул на своего вороного гиганта, прижал к железной груди и помчал напролом через лес. В этот момент по перекрестной траектории просвистел другой болт.

Звезды брызнули из глаз, так крепко любимый приложил меня носом к своей кольчуге! Аккуратнее спасай, бэтмен неуклюжий! Один из его людей скакал впереди, выставив щит, а двое прикрывали наши спины, ведя мою лошадь на поводу. Еще четверо сопровождающих, как только мы пу-

стились наук, попарно кинулись навстречу выстрелам.

Когда мы выезжали на прогулку, я удивлялась: зачем гулять таким табуном? Теперь же переживаю, не мало ли людей взяли?

Снова я забежала вперед.

День начинался вполне мирно.

Проснулась я засветло. Тут такой же, как в Москве, промозглый бесснежный декабрь. И как у нас – воскресенье. Названия в моей голове крутятся другие, но суть одна. Король с утра не звал, поэтому утренний туалет был длинней и размеренней, чем накануне. Впрочем, и вчера слуги не сильно торопились, до московских темпов им разгоняться еще несколько веков.

Истинно говорят: лиха беда начало. Сегодня прилюдный утренний туалет меня больше смешил, чем смутил. Я вспомнила актрису Марецкую в старом советском фильме: «Вот стою я перед вами, простая русская баба, мужем битая, попами пуганая...» Теперь простая русская баба, сидя на горшке, будет вам принцессу изображать...

Проведала папу. Король идет на поправку. Вот что значит, всю жизнь махать мечом, а не пивной кружкой!

В воскресенье даже у принцессы выходной, никакой политики с экономикой, только общественная и религиозная расслабуха. Конкретнее? Ну, да, никто же из вас королевством не правил.

В полдень месса, а с утра художественная самодеятель-

ность. Тутощные художники, поэты, музыканты, по-нашему – творческая интеллигенция или, как сейчас модно выражаться, креативный класс, как и везде не всегда талантливый, но всегда самолюбивый, жадный и голодный. Они кормятся с рук властей, не забывая эти руки покусывать. Мне представляли что-то вроде отчетного концерта. Лажа! Они, наивные, думали, сейчас власти начнут раздавать гранты и субсидии. Да в нашем ДК в Электроуглях ребята и то профессиональнее были, посему у нынешней принцессы, то есть у меня, культурная планка высоко задрана. Идите, бедняги, тренируйтесь!

В детстве мама водила меня на все кружки, какие были в городе. Она еще не знала, что я стану секретаршей, а потому развивала мои таланты в максимально широком спектре. Лишнее быстро отвалилось, остались танцы и музыкальный ансамбль. Танцы мне нравились сами по себе, а в ансамбль мы с девочками ходили, потому что были влюблены в его руководителя Жору.

Мы пищали от восторга, когда заслуживали его похвалу. Людей обоих полов Жора делил на две неравные части. Мужчин – на козлов и чуваков. Чуваки понимали рок и уважали Жору, остальные были козлами. Женщин Жора делил почти так же. Своих текущих подруг и прежних фанаток он звал чувихами, всех прочих – телками. Мы, школьницы, были у него абстрактными «вы» или «ты»: «Так, вы, настроились! Ты, возьми ля первой октавы»; «Вы что, похоронный

оркестр?! Это же „Криденс“! Блин, так облажать клевою песню!» Иногда он приходил на репетиции пьяным: «Так, вы, лабайте сами. У меня сегодня ля западает». Еще реже, когда мы играли по-настоящему хорошо, он присуждал нам высшую степень отличия и называл чувихами. Мы были счастливы вдвойне оттого, что в его устах титул «чувиха» равнялся титулу «принцесса», и еще потому что «клево слабели правильный музон».

Влюбленность двенадцатилетних нимфеток в облезлого и потрепанного рокера-неудачника трудно объяснить, но благодаря ей он научил нас играть на гитарах и привил приверженность к року на всю оставшуюся жизнь.

Жора был педагогом от бога, любого мог научить всему, что умел сам. И все, что он любил, становилось увлечением его подопечных. Он заставлял нас слушать «правильную» музыку и учил слышать ее.

К моим тринадцати годам меня уже тошнило от «Ласкового мая», поразившего страну как рак в последней степени. Я знала, что Джимми Хендрикс, Джимми Пейдж, Ричи Блэкмор, Дэвид Гилмор и Тони Айомми – величайшие гитаристы всех времен и народов, что музыка – только то, что играют ОНИ.

На «чертову дюжину» Жора подарил мне гитару производства 4-й фабрики музыкальных инструментов за 7 рублей 45 копеек (ценник сохранился на нижней деке прямо напротив розетки). Он помог переделать гитару с семи струн

на шесть и научил извлекать из этих струн ту самую, «правильную» музыку. Гитара до сих пор жива, и я до сих пор на ней играю. Только Жене это не нужно. И никому не нужно, кроме меня.

Пару лет назад мы отмечали мамин день рождения. Меня послали в магазин кое-что докупить. Возле магазина, спустя почти пятнадцать лет, я встретила Жору в компании забулдыг. Было видно, что ля моего давнего кумира запала навсегда. Я в ужасе тарасилась на остатки любимого учителя, а он продолжал неизвестно когда начатый разговор:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.